

АЛЕКСЕЙ БОТЯН

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2056

(1856)

Александр Бондаренко

АЛЕКСЕЙ БОТЯН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2020

Информация от издательства

*Издательство благодарит А. А. Новопашина, А. Р. Петрова, Е. В. Соколова,
а также ООО «Астра», «Контур» и «Контур-проект» за помощь и поддержку
в издании книги.*

Бондаренко А. Ю.

Алексей Ботян / Александр Бондаренко. — М.: Молодая гвардия, 2020. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1856).

ISBN 978-5-235-04403-6

Почти вся биография полковника внешней разведки Алексея Николаевича Ботяна (1917—2020) скрыта под грифом «Совершенно секретно», но и того немногого, что мы о нём знаем, хватило бы на несколько остросюжетных книг. Он вступил во Вторую мировую войну 1 сентября 1939 года и в первые дни войны сбил три «юнкерса». Во время Великой Отечественной он воевал за линией фронта в составе оперативной группы НКВД «Олимп», принимал участие во многих дерзких операциях против гитлеровских войск и бандитского подполья на Западной Украине. Он также взорвал Овручский гебитскомиссариат в сентябре 1943 года и спас от разрушения Краков в январе 1945-го, за что дважды был представлен к званию Героя Советского Союза, но только в 2007 году получил Золотую Звезду Героя России. После войны он в качестве разведчика-нелегала работал в Европе, а затем принимал активное участие в подготовке воистину всемогущих бойцов легендарной Группы специального назначения «Вымпел».

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.*

16+

© Бондаренко А. Ю., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

*20 декабря 2020 года — 100 лет Службе внешней разведки
Российской Федерации*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ЧИТАТЕЛЮ

Удивительно, но о долгой жизни Героя России Алексея Николаевича Ботяна мы на самом деле знаем совсем-совсем мало. Судите сами: единственный по-настоящему открытый период его жизни — «детство — отрочество — юность» — читателя интересует, что называется, постольку-поскольку... По-настоящему важное начинается с 1939 года, с призыва нашего героя в Польскую армию, — и эта тема совершенно открытая. Более или менее известен период начала его службы в советском НКВД и Великой Отечественной войны, однако некоторые «странички» (скорее даже — многие из них) того времени по тем или иным причинам опять-таки остаются для нас закрытыми. А уж послевоенная служба Алексея Ботяна, от старшего лейтенанта до полковника, закрыта практически напрочь и ещё очень долго — если не всегда! — будет пребывать под грифом «Совершенно секретно».

Как видите, знаем мы о его активной деятельности совсем немного. Так ведь и о том времени, когда Алексей Николаевич вышел в отставку, многого не расскажешь! Хотя вроде бы он давно уже отслужил и, как считается, «ушёл на заслуженный отдых», но ни отдыха этого, ни тем более покоя не было буквально до самых последних дней его жизни. Были встречи и контакты с различными людьми, о большинстве из которых — как людей, так и контактов — не говорилось, были поездки, места и цель которых тоже в общем-то сохранялись в тайне. Почему? Да потому, что Алексей Николаевич встречался и работал с нынешними — то есть с действующими, а потому «закрытыми», сотрудниками спецслужб, среди которых он пользовался высочайшим авторитетом, вызывая у них огромный интерес. Причём это был не только человек-

легенда, боевые операции которого ныне изучаются по учебникам (соответственно, совершенно секретным), но и живой, весьма адекватный человек — в том смысле, что не какой-то недоступный по своей высоте начальник, не некий «забронзовевший» ветеран, увешанный многочисленными юбилейными знаками и немногими наградами, а свой, близкий, понятный опер, такой же, как они. Ну, несколько постарше — но в душе столь же молодой, лихой, авантюрный, доступный в общении... В общем — абсолютно свой, надёжный и понятный!

Что же остаётся известным для нас, простых, так сказать, граждан, из ста трёх лет, прожитых Ботяном? Получается, что только лишь лет шесть-семь частично открытых, да ещё некоторые фрагменты из последующего времени. Не мало ли? Нет! Ведь даже того немногого, что мы знаем, с избытком хватит на несколько книг, на страницах которых можно рассказать о блистательных подвигах и горьких разочарования, о взлётах и падениях, о переломных моментах истории и их влиянии на судьбы мира и конкретной личности, а также — о смелых до дерзости поступках, о просто сумасшедшем боевом везении и самых настоящих, не придуманных чудесах.

И на всём этом фоне — жизнь замечательного, удивительного человека, честно и преданно служившего своему Отечеству, никогда никого и ничего не боявшегося, но при этом — оптимистичного, жизнерадостного, азартного, увлекающегося, никому не завидовавшего и очень симпатичного, безумно обаятельного. Он очень хорошо знал и понимал людей, прекрасно в них разбирался — тем более что кое с кем ему приходилось встречаться и в таких ситуациях, что, как говорится, не дай бог! — но всё равно продолжал любить людей, относился к ним с интересом, вниманием и пониманием... И люди, в своём подавляющем большинстве, также относились к нему со вниманием и уважением. Даже с почтением и любовью.

К тому же Алексей Николаевич Ботян принадлежал к одной из самых романтических и таинственных профессий: профессии разведчика, причём к особой её элите — нелегальной

разведке, окружённой легендами, загадками, сплетнями и, главное, глухой, непроницаемой тайной. Золотая Звезда Героя Российской Федерации свидетельствует о том, что в своей профессии Ботян достиг наивысшего совершенства.

...Очень надеемся, что в этой книге нам удалось нарисовать реальный портрет этого прекрасного человека, которого мы знали и очень любили и который покинул нас совсем недавно: в начале февраля високосного 2020 года, через несколько дней после своего 103-летия. Хотя казалось, что он будет жить вечно... Или просто — всем нам очень того хотелось?

Нет сомнения, что он был последним остававшимся в живых солдатом, вступившим в бой с нацизмом в самый первый день Второй мировой войны — 1 сентября 1939 года. Так что с ним вместе действительно ушла эпоха — это без всяких громких слов. Его уход оставил зарубку на сердце каждого из нас, его знавших, пусть это и звучит красиво, но это так. И книга эта — дань нашей благодарной памяти, стремление увековечить славное имя Алексея Николаевича Ботяна.

Глава первая

ДЕТСТВО В ДЕРЕВНЕ ЧЕРТОВИЧИ

Можно начать рассказ с того, что родился Алексей Ботян в самое что ни на есть переломное время, да ещё и в таком месте, которое вскоре ожидали немалые потрясения. Но так как самое ценное для разведки — это подлинный документ, снабжённый соответствующим грифом, то для того, чтобы читатель видел, насколько всё серьёзно, мы предваряем наше повествование фрагментом из уникального документа, на котором стоит штамп «Совершенно секретно».

Хотя, конечно, дотошный читатель предпочёл бы получить от нас родословную с описанием рода Ботянов хотя бы до второй половины XV века — пусть и никоим образом не грифованное, ну или изображение его родословного древа, однако в белорусских лесах подобные деревья не произрастают, а своего прадеда тамошние крестьяне знают лишь по имени — конечно, ежели помнят отчество своего дедушки. Вот в результате и приходится брать документ из Архива СВР:

«Анкета специального назначения работника НКГБ

1. *Фамилия, имя и отчество:* Ботян Алексей Николаевич.

<...>

3. *Год, месяц и число рождения:* 10 февраля 1917 г.

4. *Место рождения:* БССР, Молодечинская обл., Воложинский р-н, дер. Чертовичи.

5. *Национальность, родной язык:* белорус, белорусский.

6. *Если ранее состоял в другом гражданстве или подданстве, указать, в каком именно, когда принят в гражданство СССР: до присоединения Зап. Белоруссии в состав Советского Союза имел польское подданство.*

7. *Социальное происхождение:* из крестьян, служащий.

<...>

26. *Служили ли в белых или иностранных армиях, в каких частях, где и когда, последний чин и должность, участвовали ли*

в боях против Красной Армии, где и когда, какие имели награды, за что, от кого: служил в Польской армии в 3-м дивизионе зенитной артиллерии в гор. Вильно в чине унтер-офицера. В боях против Красной Армии не участвовал...

30 июля 1945 года»^[1].

Сделаем небольшое отступление. Сегодня, очевидно, уже мало кто знает, что в Белоруссии некогда существовала Молодечинская область. Неудивительно: даже в Политическом словаре 1940 года издания, где помещена статья «Западная Белоруссия», посвящённая территориям бывшей Российской империи, только что возвращённым в состав СССР, Молодечно среди тамошних крупных городов не значится, хотя известен он был уже с конца XIV века. В знаменитой энциклопедии Брокгауза и Ефрона, издававшейся на рубеже XIX—XX столетий, Молодечно именуется местечком Вилейского уезда Виленской губернии^[2] с населением 2393 жителя. Ну а к 1985 году количество таковых составляло 84 тысячи.

После крушения Российской империи эта самая Виленская область превратилась в «яблоко раздора» между Литвой и Польшей, которая её оккупировала, вопреки международным договорам, и только через 20 лет, в 1939 году, город Вильно превратился в Вильнюс, столицу Литовской Республики, которая вскоре добровольно войдёт в состав СССР. Тогда Вилейка обрела вдруг вое-водский или областной статус, который сохраняла до 1944 года, когда Вилейская область и обратилась в Молодечинскую. Впрочем, ненадолго: в январе 1960 года таковая была упразднена, а её территория вошла в состав Минской области. Оно и понятно: деревня Чертовичи, в которой родился Алексей Николаевич, располагалась в 78 верстах от Минска и в ту пору примерно в десяти верстах от линии фронта, где друг против друга стояли войска кайзеровской Германии и Российской империи, доживавшей свои последние дни. Впрочем, Германская империя переживёт её всего на год.

Хотя Россия уже вступила в смутный 1917 год, но главные его события были ещё впереди, и тогда, в самом начале февраля, вряд ли кто полагал, что трёхсотлетняя история царствующей династии Романовых вплотную подошла к своему финишу.

Но всё-таки Алексей Ботян успел родиться «в царские времена» и на территории Российской империи. Однако совсем скоро эти земли временно отойдут к Польше и только в конце 1939 года будут включены в состав Белорусской Советской Социалистической Республики, одной из союзных республик великой державы СССР — Союза, объединённого вокруг России, прямого наследника империи, рухнувшей по причине бездарности своего очередного правителя. (Кто бы знал, что подобная судьба ожидает, в конце концов, и великий Союз!)

Вот такая оказалась история с географией!

«Я считаю, что жизнь моя сложилась таким образом благодаря моему отцу, Николаю Николаевичу Ботяну, за что я ему очень признателен, — рассказал нам однажды Алексей Николаевич. — Ведь если бы он рассудил так, как думало подавляющее большинство в деревне: мол, пусть сын здесь живёт и работает, то я бы получил только начальное образование и остался бы в своей деревне, как все другие наши ребята, которые за всю свою жизнь никуда из родных мест ни разу не выезжали. А ведь время тогда было непростое, тяжёлое, к тому же образование в Польше было бесплатным только до седьмых классов, дальше нужно было платить, но отец все эти трудности преодолел. Для этого даже одну коровку пришлось продать — у нас их тогда две было. Овцы также были, куры... У нас ещё и лошадь была, очень хорошая, её даже хотели взять в польскую кавалерию, предлагали отцу за неё большие деньги, но он лошадь не отдал... Так что благодаря отцу я получил польское образование, и это мне очень помогло в дальнейшей жизни. Почему польское? Так все белорусские школы, которые были у нас в Западной Белоруссии, в 1925 году закрыли, и после того образование можно было получать только на польском языке. Лишь в одном каком-то городе, от нас

не очень далеко, но не помню точно, в каком, была белорусская гимназия — и та националистического характера, антисоветского направления...»^[3]

Прервём ненадолго этот рассказ и уточним, что в 1932 году, после окончания седьмого класса, Алексей Ботян, по настоянию — или при поддержке, сейчас сказать трудно — отца поступил в педагогическое училище в городе Новогрудок.

Ну а про своего отца Алексей Николаевич рассказывал так:

«Николай Николаевич, мой отец, ещё до Первой мировой войны окончил приходское училище, поработал в Германии — наверное, батраком, потом добрался до Гамбурга, где сел на пароход и отправился в Аргентину. Там он тоже работал у каких-то хозяев — по-моему, и там это были немцы, потому что отец отлично выучил немецкий язык; он безукоризненно владел также ещё и испанским языком, не считая, разумеется, польского, белорусского и русского... Насколько я понимаю, у него были не только способности к изучению иностранных языков, но и большой к этому делу интерес — недаром же у нас дома, в нашей избе, были различные словари. Вообще у него много книг было — он читал даже русские книги, в том числе Льва Николаевича Толстого. Иногда засидится дома за книгой, читает, а мать кричит: иди на двор, надо скотину кормить, то-другое, закрывай, мол, свои книжки! Что тут сделаешь? Он же был крестьянин, жизнь крестьянская всегда тяжёлая была...»

С Алексеем Николаевичем Ботяном мы не раз встречались в его московской квартире: обычная «трёшка» в самом обыкновенном 17-этажном панельном доме, далеко уже не новом, расположенном в районе Ясенево, что на юго-западе столицы. Квартире очень чистой и очень простой, без каких-либо элементов роскоши. Единственное, пожалуй, на что обращаешь внимание, — это некоторые сувениры с эмблемой Службы внешней разведки (интересные, но совсем не шикарные) и несколько портретов хозяина, висящих на стенах.

В то время мы с ним работали над книгой «Подлинная история “Майора Вихря”» для популярной «молодогвардейской» серии «Дело №...», и Ботян много интересного рассказывал про свою долгую и бурную жизнь, при этом совершенно чётко зная, о чём говорить можно, а о чём — до сих пор нельзя. Собеседник горячий, увлекающийся, азартный, весёлый, Алексей Николаевич говорил быстро, торопливо, порой сглатывая окончания слов, смеялся зара-зительно и нередко, но в разговоре он ни разу не переступил некую запретную черту, ни разу не произнёс ту сакраментальную фразу, которой любят пощекотать нервы собеседника иные «посвящённые» люди: «А это не для печати!» И тут вспоминается наш журналистский опыт, когда могут такую информацию подбросить, что плакать хочется: и опубликовать её вроде нельзя — ты же согласился выслушать то, что «не для печати», но и не рассказать обидно. Да, не зря говорят, что многие знания порождают скорби! Ботян, однако, к таким моментам в разговоре просто не подходил — не от какого-то беспамятства, которым он уж никак не страдал, даже перешагнув вековой рубеж своей жизни, и тем более не от недоверия к собеседнику. Ведь человека, которому нельзя верить, он раскусил бы сразу и на порог к себе не пустил. Просто он чётко знал, что есть «табу», есть темы, которые трогать нельзя. Служба была такая!

И ведь что поразительно: общаясь с людьми — сотрудниками той самой Службы, которые по многу лет работали с Алексеем Николаевичем бок о бок и дружили с ним не одно десятилетие, — мы постепенно поняли, что знаем о его судьбе, точнее о его работе разведчика, гораздо больше, чем каждый в отдельности. Любой из наших собеседников знал только «свой», так сказать, период, то время, когда они работали вместе, и имел представление только о том, чем они совместно занимались. Вести разговоры о том, что было раньше или позже либо в работе с другими сотрудниками, в этой среде просто не полагалось. Излишнее любопытство было чревато служебной проверкой.

Впрочем, вернёмся к рассказу самого Алексея Николаевича.

По его словам, ничего потустороннего или мистического в названии деревни Чертовичи искать не нужно — нечистая сила здесь ни при чём! Так вышло, что это довольно большое поселение, стоявшее на лесной опушке, оказалось как бы чертой между дремучим лесом и полями. Дед Алексея, тоже Николай Николаевич, как и его сын, отец Алексея, был объездчиком — вроде старшего лесничего, то есть какое-никакое, а для мужика начальство. Так что хозяйство у него было большое, и семья считалась зажиточной: был хороший участок земли, скот держали — лошадку и пару коров, даже прислугу нанимали, чтобы скот пасти и по дому помогать. Дед был заядлый охотник, имел ружьё, что в деревне далеко не каждому тогда было по карману.

Да и тот факт, что жену он взял не из родных мест, а из довольно далёкого зажиточного села Журавцы, тоже свидетельствует о многом. Бабушку, насколько Алексей Николаевич помнил, звали Тереза — значит, была она католичкой и, очевидно, полькой, тогда как сам Николай Николаевич, белорус по национальности, был православным. Жили дед с бабкой лет до восьмидесяти, дружно и счастливо и умерли в одном и том же 1910 году — кажется, ещё до женитьбы своего младшего сына и уж точно до рождения внука, который хотя и знал их только по рассказам, но регулярно навещал родные могилы на кладбище.

От деда и шла фамилия Ботян, которую несведущие люди считают то армянской, то молдавской — из-за того, что на «ян» заканчивается. Хотя фамилия это чисто белорусская и, как объяснял Алексей Николаевич, означает она «аист», самую любимую в Белоруссии птицу, как известно — один из символов этой прекрасной республики. Кто же из старшего поколения не помнит эту песню: «Белый аист летит...»?

Второй его дед, Роман, по фамилии Малявский, жил в селе Хордынове, что в полутора километрах от Чертовичей. Была у него такая странность — как выпьет, начинал кричать: «Я — пан! Остальные — холопы!» Почему? Внук этого не знал; семья у деда была простая, крестьянская, и над дедом за эти его

выходки посмеивались. Хотя ещё до Первой мировой войны его сын, а потом и дочь уехали в Москву. Сын стал инженером на железнодорожном транспорте, в 1930-е годы участвовал в строительстве московского метро, а дочь работала в Министерстве финансов. Значит, он дал им хорошее образование — может, потому и чувствовал себя «паном»? Кстати, потомки Малявских пошли по научной линии, получили учёные степени... Алексей Николаевич говорил, что поддерживает с ними связь, хотя созванивались они нечасто.

Несмотря на то что отец Алексея поездил по миру, в совершенстве владел несколькими языками и к тому же неплохо разбирался в математике, был не только книгочеем, но и хорошим столяром — делал двери и оконные рамы, столы и табуретки, чем в основном и зарабатывал на жизнь, — семья его жила небогато, при среднем достатке. Работников уже не нанимали, по хозяйству помогали подросший сын и две дочери, Мария и Зинаида, которые сами со всем вполне справлялись. Про то, что такое голод, Ботяны не знали, но зато трудились постоянно. Отец с матерью, рассказывал наш герой, жили очень хорошо, дружно, никогда не ругались.

Детство для человека — лучшее, самое светлое время. Вот только, к сожалению, понимаем мы это с большим опозданием, уже тогда, когда вырастаем и уходим во взрослую жизнь. Конечно, оставались в памяти Алексея Николаевича и какие-то печальные, даже страшные воспоминания о тех днях. Так, с 1920 по 1925 год в их края нередко наведывались разношёрстные банды из России, вплоть до недобитых махновцев, которые бесчинствовали и грабили приграничное население. Ботян вспоминал, сколько было разговоров после того, когда большой польский отряд во главе с местным комендантом гнался за бандой и сам попал в засаду, у поляков были тогда немалые потери, погиб и сам комендант. Но в 1925 году польские власти как следует укрепили границу с Россией, и больше с тех пор никаких набегов не было. Да и на сопредельной советской стороне постепенно наводился порядок.

Рассказывать о детстве можно много, но ведь мы (к сожалению или к счастью) пишем отнюдь не «Детские годы Багрова-внука», да и не дано нам, признаемся откровенно, расписать всё так, как в своё время сумел это сделать Сергей Тимофеевич Аксаков, повествуя о своём детстве. Вот, например, как у него было написано:

«С конного двора отправились мы на родники. Отец мой очень любил всякие воды, особенно ключевые; а я не мог без восхищения видеть даже бегущей по улицам воды, и потому великолепнейшие парашинские родники, которых было больше двадцати, привели меня в восторг. Некоторые родники были очень сильны и вырывались из середины горы, другие били и кипели у её подошвы, некоторые находились на косогорах и были обделаны деревянными срубами с крышей; в срубы были вдолблены широкие липовые колоды, наполненные такой прозрачной водою, что казались пустыми; вода по всей колоде переливалась через край, падая по бокам стеклянную бахромой...»¹

Звучит, как музыка! Именно так и нужно описывать впечатления детства.

Ну а раз мы так не умеем, то возвратимся к нашему сугубо документальному повествованию и ограничимся, выражаясь казённым языком, необходимой информацией по данному периоду. И в этой связи возник тогда у нас в разговоре с Алексеем Николаевичем вполне логичный вопрос: его отец побывал в различных странах, прекрасно владел несколькими языками... Не мог он сотрудничать с какими-нибудь спецслужбами, выполнять их задания — ну, хотя бы на уровне курьера, связника?

Помнится, Ботян помедлил с ответом, потом сказал так:

«По-моему, нет... Нет, не думаю! Тогда многие простые люди из Восточной Европы вот так же по миру ездили, и без языка им было нельзя! А вот зато во время Великой Отечественной войны, когда на территории Белоруссии действовали различные партизанские формирования, он был связан с нашим

омсбоновским отрядом Морозова. Это неудивительно — он ведь был членом компартии Западной Белоруссии».

Сколько интересной для нас, просто потрясающей информации сразу!

Во-первых, обратим внимание на прозвучавшую здесь аббревиатуру ОМСБОН — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения. О том, что это такое, мы объясним немного позже, ведь именно в составе этого легендарного соединения Алексею Николаевичу придётся потом воевать.

Во-вторых, принадлежать к коммунистической партии Западной Белоруссии, которая находилась на нелегальном положении, а в 1939 году вошла в состав белорусской компартии, было делом весьма опасным. Про отношение гитлеровцев к коммунистам уже и не говорим, но ведь эту организацию стремились уничтожить ещё и поляки, так что действовала она в глубоком подполье. Алексей Николаевич рассказывал, что соседом у них был их однофамилец, тоже Ботян, соответственно, и он был коммунистом. Поляки внедрили в их организацию свою агентуру; сосед был арестован и отсидел лет пять в тюрьме где-то под Брестом. Там он заболел туберкулёзом, умер вскоре после освобождения... Всё же компартия продолжала борьбу, так что Николай Николаевич не раз прятал в своём доме товарищей, которые скрывались от поляков.

Завершая рассказ о старшем Ботяне, мы обязательно должны вспомнить один боевой эпизод: произошло это уже в годы Великой Отечественной войны, в то время, когда гитлеровские оккупанты развернули тотальную борьбу с партизанами, которых они, как известно, именовали «бандитами». При этом сами же гитлеровцы боролись с партизанами — точнее, против всего мирного населения — истинно бандитскими, зверскими методами. Ведь за годы войны немецко-фашистские оккупанты сожгли на территории Белоруссии около 9200 деревень, уничтожили более миллиона 400 тысяч мирных граждан и свыше 800 тысяч военнопленных; около 380 тысяч людей трудоспособного возраста и детей было угнано на работу

в Германию. Сегодня кое-кому хотелось бы про это забыть, однако все преступления гитлеровцев зафиксированы не только в людской памяти, но и в документах Нюрнбергского процесса!

Конечно, даже в этом бандитском истреблении мирного населения была своя жестокая логика: в первую очередь уничтожались деревни, расположенные по соседству с лесом, — то есть те, которые могли служить пунктами снабжения и перевалочными базами для партизан. Таким образом «партизанский край» как бы ограждался выжженными, опустошёнными землями, эдакой «полосой отчуждения».

Действовали гитлеровцы методично, так что вскоре очередь дошла и до деревни Чертовичи, до той самой «черты», что пролежала между полями и лесом. Каратели нагрянули затемно, когда деревня уже погрузилась в сон и все были на местах, каждый у себя дома, в кажущейся безопасности, обеспеченной тщательно запертыми дверями и наглухо закрытыми ставнями. Немцы быстро и тихо окружили Чертовичи плотным кольцом оцепления. Потом, внезапно и одновременно, со всех сторон вспыхнули фары грузовиков, в чёрном небе расцвели осветительные ракеты, озаряя землю мертвенным светом, загремели автоматные очереди, веерами рассыпая над крышами трассирующие пули, остервенело залаяли рвущиеся с поводков овчарки, а по дверям и по ставням загремели приклады винтовок, раздались отрывистые команды на русском и немецком языках: «Вставай! Schnell!^[4] Выходи!» Испуганные полуодетые люди — старики и старухи, женщины, в основном немолодые, и дети выскакивали из домов, торопливо шли и бежали в указанном карателями направлении; некоторые успевали прихватить с собой свёрточки и узелочки с каким-то добром и теперь смущённо прятали их за спину, большая же часть жителей выскочила из домов ни с чем... Поёживаясь от страха и ночного холода, люди сбивались в тесную кучу; кто-то тихо всхлипывал, кто-то молился, кто-то шёпотом пытался успокоить плачущих детей. Вопросов о том, что будет дальше, ни у кого не возникало: даже в этих отдалённых

малонаселённых краях слухи и вести распространяются быстро, так что о судьбе других подобных деревень тут уже все узнавали. Те, кто хотел и мог, давно уже ушли в лес; кто не смог — уповали либо на милость Божью, либо на всемогущее «авось», памятуя, что «дома и стены помогают»...

Перед толпой, окружённой автоматчиками, появился немецкий офицер. Он повелительно поднял руку, и люди затихли; резкие голоса солдат в отдалении, чьи-то редкие всхлипывания только подчёркивали гнетущую тишину, которая в любую секунду могла разорваться выстрелами.

— Вы все — партизаны! Вы — бандиты! Если вы сами не партизаны, то вы помогаете партизанам! — заговорил офицер на довольно чистом русском языке. — А значит, всё равно вы — бандиты и должны быть за это наказаны! Так?

Риторический вопрос подчёркивал неумолимую логику германского офицера, «сверхчеловека». Хотя, возможно, глядя на жалких перепуганных детей и стариков, плачущих женщин, немец в первую очередь убеждал себя самого, что это — враги, с которыми следует поступать в соответствии с жестокими законами военного времени, что жалеть их нельзя.

Минутная пауза должна была оборваться вынесением «приговора», неизбежного за риторическим вопросом, на который никто не мог или не смел ответить, а тем более — возразить. Но тут, поспешно раздвинув замерших односельчан, из толпы вышел невысокий плотный мужчина шестидесяти с лишним лет — Николай Николаевич Ботян и, остановившись в нескольких шагах от начальника карателей, обратился к нему на прекрасном немецком языке:

— Herr Offizier!^[5] Я жил в Германии, я хорошо знаю немцев, я очень уважаю вашу прекрасную страну и её замечательную культуру! Я никогда не думал, что вот так оно всё получится. Вы видите, господин офицер, что сейчас, когда вы пришли к нам и наставили на нас свои автоматы, — мы вам безропотно подчиняемся, мы не можем поступить по-другому! Но, господин офицер, подумайте, когда вот так же ночью из леса

приходят... — Ботян запнулся, подбирая слова. — Приходят те самые люди... и у них тоже есть автоматы и винтовки, то тогда мы точно так же подчиняемся им. И они сами забирают у нас всё то, что мы не смогли, не успели спрятать. А что можно сделать против вооружённых людей, господин офицер?! Мы простые люди, мы не солдаты, мы не бандиты, война для нас — большое несчастье! Поверьте! Чем мы виноваты, если наши дома стоят у самого леса? Ведь так их поставили ещё наши прадеды. Мы здесь живём, потому что больше нам жить негде! Так что же нам делать, чтобы ни те, которые приходят из леса, ни вы нас не убили?! Мы можем только подчиняться и молиться!

Немец внимательно, не перебивая, слушал этот взволнованный, несколько сбивчивый, но убедительный монолог, смотрел на человека, внешне никак не походившего на «народного мстителя», пособника бандитов. Это был самый обыкновенный белорусский крестьянин, но он так хорошо говорил на немецком языке! И ведь действительно были, наверное, в душе офицера какие-то сомнения, потому что терпеливо дождавшись, пока Ботян замолчал, он, ни слова не сказав ни ему, ни встревоженным, сбившимся в кучу крестьянам, явно не понимающим того, о чём говорил их односельчанин, отрывисто скомандовал своим солдатам строиться. Через несколько минут гитлеровская колонна покидала оцепеневшие от ужаса, но не тронутые карателями Чертовичи.

«Во второй половине июля с. г. немецкие отряды СС проводили очистку от партизан территории Воложинского района. При этом отрядами были заживо сожжены вместе с постройками жители деревень Першайской волости: Доры, Дубовцы, Мишаны, Довгалёвщина, Лапинцы, Среднего Села, Романовщины, Нелюбы, Палубовцы и Макричавщины.

Отряды СС никакого следствия не проводили, а только сгоняли жителей, преимущественно стариков, женщин и детей, в отдельные строения, которые потом зажигались.

В Дорах жители были согнаны в церковь и вместе с церковью сожжены»².

Чертовичи тогда находились в Воложинском районе и вполне могли войти в это донесение начальника «белорусских частей самообороны» Франца Кушеля^[6] генеральному комиссару Белоруссии Вильгельму Кубе^[7], написанное 6 августа 1943 года. И хотя автор этих строк — гитлеровский прислужник из местных коллаборационистов, но даже в его сухом докладе чувствуется некоторое возмущение. Ведь как бы там ни было, но Кушель сам был по национальности белорус, к тому же — русский офицер в прошлом, и это был его народ...

Сегодня в нашей памяти осталась только сожжённая Хатынь, а ведь таких деревень и сёл были тысячи. К реальной войне происходившее отношения не имело: это был геноцид.

«Прожил отец не так много — семьдесят пять лет», — рассказал нам Алексей Николаевич, бывший к тому времени уже на 20 лет старше своего отца.

Как часто случается, в рассказах разных людей какие-то события из жизни нашего героя получили свою интерпретацию, точнее — оказались немного искажены. Несколько человек с полной уверенностью говорили мне: «А вы знаете, что Ботян голыми руками зайцев ловил? Догонял и хватал! Представляете?»

Нет, не представляю, потому что на самом деле всё было не совсем так и поймать зайца ему прежде всего помогали всё-таки не ноги — погоня получалась короткой, стремительной, — а ловкость, реакция и точный расчёт, чтобы встретить косого в том самом месте, где он изо ржи выскочит, изловчиться и схватить. Тут ещё и про то забывать не следует, что заяц — всё-таки животное дикое, он сопротивляется, его ещё и удержать нужно. Было одно лето, когда у Ботянов на чердаке жили три зайца, в разные дни пойманные Алексеем на ржаном поле, и зайцы эти громким своим топанием по ночам мешали

людям спать. Ещё Алексей наловчился ловить уток на озере, осторожно подныривая к ним.

Зато с реализацией первого своего «коммерческого проекта» он тогда чуть было не погорел по-крупному. Было ему лет семнадцать, и он очень хотел иметь велосипед. Алексей Николаевич, как известно, всю свою жизнь был человеком очень спортивным, а тогда, в далёкой юности, когда он увидел людей, катавшихся на велосипедах, то буквально потерял покой и сон — в полной мере сказались азартность и нетерпеливость его натуры. Но ведь велосипед — удовольствие дорогое, так сразу им не разживёшься.

Это сейчас, как правило, подобные задачи решаются просто: ребёнок произносит волшебную фразу: «Папа-мама, хочу, купи!» — и вскоре получает желаемое. А вот Ботяну на велосипед надо было зарабатывать самому, что в деревенских условиях оказалось совсем нелегко. Чертовичи жили бондаркой, то есть крестьяне делали на продажу бочки, вёдра и кадушки, но на этом много и сразу не заработаешь. Народ в округе жил небогатый, без крайней надобности никакой товар не покупали. Алексей также выучился от отца столярничать, но опять-таки деревенские жители совсем не часто меняли двери, рамы или мебель. В общем, стало ясно, что честным трудом быстро не разбогатеешь. Первый урок политэкономии, так сказать.

Вот тогда-то он и решился на реальное уголовное преступление: договорился с одним из своих приятелей самогон гнать. Ведь в «панской Польше», как обычно называли страну в соседней Советской России, была на это дело государственная монополия — и для того, чтобы доходы от продажи алкоголя шли только в государственную казну, и затем, чтобы граждане всякую, как это у нас теперь называется, «палёнку» не пили, здоровье своё не гробили. Государственная монополия существовала и на табачные изделия, а потому если у тебя найдут табак-самосад, то наказывали очень строго. А уж за самогон — тем более! Но понимал Алексей, что иным путём на велосипед не заработаешь. Велосипед ему очень хотелось!

Хорошо зная, на что они идут, парни продумали всё до мелочей. Был у Ботяна двоюродный брат, который жил на хуторе, километрах в пяти от Чертовичей, там рядом пуща^[8] была, места вроде и глухие, но уже облюбованные соседями-самогонщиками, там даже соответствующее оборудование стояло... К этому двоюродному брату Алексей и завёз необходимое сырьё. О том, где и как оно было получено, история умалчивает.

И всё, казалось бы, складывалось удачно, да только каким-то образом о их намерениях узнала местная полиция. Может быть, кто-то из соседей испугался конкурентов и сообщил? Сложный вопрос.

«Была там такая небольшая возвышенность, вокруг — болото, пройти туда не так-то легко было, — с удовольствием вспоминал об этих приключениях Алексей Николаевич. — Помогал нам сосед, он всё сделал, наладил, потом мы с братом бочки заправили; когда всё наладилось, брат ушёл, а я стал огонь поддерживать. И вдруг слышу — трещит что-то! Думаю: какого чёрта? Вдруг с двух сторон нападают на меня полицейские! Но я одного оттолкнул — прямо в грязь, он туда упал, а я убежал. Жалел потом здорово, что пистолет у него не отобрал, пока он из грязи вылезал! А второй выстрелил, то-другое, стой, кричит! Ну, куда там, ночью-то кого-то ловить? Пробежал я по кочкам, прихожу к двоюродному брату, говорю: “Не повезло...” Они, полицейские, конечно, всё там забрали. Но это ладно — по-настоящему не повезло тому из соседей, который самогонку гнал постоянно, о чём все в округе знали. Раздосадованные своей неудачей полицейские пришли тогда к нему — и нашли бутылки с самогонкой, на продажу приготовленные! За эти запасы он тогда шесть месяцев и отсидел... Так что если бы меня поймали, то я, во-первых, тоже бы отсидел, а во-вторых, был бы мне ещё и штраф большой. Но я сбежал оттуда, потому что бежал я очень быстро — догнать меня было невозможно!»

Велосипед Алексей себе потом всё-таки купил — немецкий, подержанный. Исхитрился он как-то там, заработал, но своего добился, не отступил. Упорство и настойчивость были неотъемлемыми чертами его характера.

А замечательная машина была, говорил Ботян, он на этом велосипеде потом всю округу объездил. Кстати, хотя потом он стал «автомобилистом», но и на «двухколёсном друге» ездил лет до девяноста с лишним, пока врачи не запретили.

Вообще, судя по его рассказам, жизнь деревенская интересная была, гораздо разнообразнее, нежели в городе. Хотя тогда он завидовал своим городским соученикам по педагогическому училищу: они-то летом могли отдыхать, гулять и даже куда-то ездили. Он же всегда оставался в деревне и помогал отцу: нужно было бондаркой заниматься, столярничать, в огороде работать, за скотиной ухаживать. На охоту также ходили — разумеется, браконьерским образом, рыбу ловили, да мало ли чего можно было летом придумать! Тем более что друзей-приятелей у него было пруд пруди, он ведь всегда оставался человеком очень компанейским и притягательным для окружающих. Те, кто жил рядом, — те между собой и общались, дружили, вне зависимости от национальности и прочих условностей. Отсюда, кстати, и прекрасное знание сразу нескольких славянских языков, на которых приходилось общаться с окружающими. С друзьями-поляками Алексей нередко за компанию заглядывал в костёл и, обладая прекрасной памятью, быстро выучил наизусть многие молитвы, что очень пригодилось ему впоследствии...

...Можно без всяких натяжек утверждать, что деревенская жизнь послужила подготовительным классом для той школы, которая превратила Алексея Николаевича в первоклассного диверсанта и разведчика...

Глава вторая

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

В 1935 году Алексей Ботян окончил педагогическое училище, в котором получил специальность учителя начальных классов. В школе, однако, он почему-то работать не стал, а вернулся в родные Чертовичи, где и трудился, как написано в той самой его анкете, что приведена в начале предыдущей главы, сельскохозяйственным рабочим. Точнее — работал на отцовском наделе, то есть у себя дома. По какой причине так получилось, Алексей Николаевич в разговоре с нами не уточнял, да и мы особенно не выпрашивали.

Через четыре года Ботяна призвали на военную службу в ряды Польской армии. Пусть не смутит читателя солидный возраст новобранца — 22 года, потому как в Польше тогда призывали после двадцати одного. Придумали это отнюдь не поляки: такое правило издавна существовало по всей Российской империи, в состав которой почти до самого 1918 года входила и по законам которой жила Польша.

Кстати, в этой связи нельзя не умилиться, читая «Воспоминания и размышления» Георгия Константиновича Жукова, где будущий прославленный советский военачальник с понятной печалью пишет о своём призыве в царскую армию:

«В связи с большими потерями на фронте в мае 1915 года был произведён досрочный призыв молодёжи рождения 1895 года. Шли на войну юноши, ещё не достигшие двадцатилетнего возраста. Подходила и моя очередь»³.

Легендарный «маршал Победы» словно бы и позабыл, что в Великую Отечественную войну на фронт отправляли восемнадцатилетних ребят, а то и ещё моложе...

«Я вообще считаю, что это неправильно — в восемнадцать призывать, — рассуждал Алексей Николаевич как старый, опытный солдат. — Пацаны они ещё, никакого опыта не имеют, физически по-настоящему не развиты, должной

сообразительности нет. Зато форсу и ненужной бравады — хоть отбавляй! Я ж по войне помню: как молодых привезут, так они сразу, по сути дела... — Ботян вдруг оборвал фразу, обречённо махнув рукой. — Соображают и реагируют на происходящее не так быстро, как необходимо, и даже прятаться как следует не умеют. Не знаю, почему у нас до сих пор призывают в армию с восемнадцати лет! Что это за солдаты?! Вот с чего бы военную реформу начинать надо!»

Поразительно, но интерес к жизни, острую реакцию на всё происходящее, свою точку зрения — всё то, что когда-то было наречено «активной жизненной позицией» — Ботян сохранял до самых своих последних дней. Он был именно Гражданином, а не обывателем, живущим в соответствии с присказками «моя хата с краю» и «день прошёл, и слава богу», — как, к сожалению, живёт сегодня большинство из нас.

Итак, 10 февраля 1939 года Алексей скромно отпраздновал своё 22-летие, а уже 14-го числа родные провожали его на военную службу. К этому дню Николай Николаевич, мастер на все руки, изготовил для сына чемоданчик — вместительный, добротный и красивый, а Евдокия Романовна положила туда добрый кусок сала, ещё какой-то деревенской снеди, бельё — то есть всё самое необходимое для обычного солдата, вне зависимости от армии и национальности (за исключением сала, разумеется). Уехал он на следующий день, утром 15 февраля, и, как было предписано, вскоре самостоятельно прибыл в часть, что находилась неподалёку от города Вильно, теперь, как мы знаем, именуемого Вильнюсом, в каком-то местечке, название которого стёрлось из памяти нашего героя, потому как пробыл он там недолго. В местечке этом был расположен военный аэродром.

В тот же день Алексей Ботян был зачислен в Польскую армию.

Что запомнилось из первых дней в армии? В части встретили нормально, и земляки нашлись, а это всегда облегчает службу.

«Дедовщина», в нашем понимании, была и там. Солдаты старших призывов могли обидеть молодых, и порой очень даже

серьёзно. Особенно доставалось тем, кто не был подготовлен к службе и с трудом одолевал азы армейской науки: не умел ходить в строю, не считал нужным как следует затягивать ремень и застёгивать все пуговицы, вечно куда-то опаздывал или что-то терял — этих гоняли в поте лица и командиры, и старшие сослуживцы, и даже товарищи по призыву, которые порой сами страдали от таких нерадивых солдат.

Случалось, например, что вечером старшина даёт команду «отбой», и на то, чтобы её выполнить — раздеться, аккуратно сложить обмундирование и лечь в кровать, на набитый соломой матрас, — отводились считанные секунды. Все быстро ложатся, радуясь, что пролетел очередной день службы и наконец-то можно отдохнуть... Но тут многоопытный старшина идёт по проходу между кроватями и кое у кого из солдат приподнимает одеяло. И ведь не зря, потому как видит, что нерадивый боец лежит в носках: решил схитрить и сэкономить время при раздевании. Ну а дальше следует неотвратимое возмездие, причём не только для провинившегося. Старшина даёт команду «подъём!», и всё подразделение, уже одетое, соответственно, по полной форме, выстраивается на плацу. Зимние ночи особенно холодны, но вместо того, чтобы спать в тёплой казарме, бойцы дружно маршируют по плацу.

— Равнение! Чётче шаг! Выше ножку! — Старшина, соответственно по-польски, подаёт «интернациональные» команды, хорошо знакомые каждому служивому. — Отставить разговоры в строю! — покрикивает он, слыша недовольное бурчание.

А чего солдаты бурчат? Объяснять вроде и не надо: прежде всего, они ругаются на старшину, который ни за что ни про что гоняет безвинных людей, тех, кому давно уже положено спать; во-вторых, они костерят своего нерадивого товарища, что так по-дурацки их всех подставил. Впрочем, его, который теперь изо всех сил отбивает на плацу строевой шаг, словно бы этим как-то возможно загладить вину перед товарищами, не очень-то и ругают, ему, кажется, даже сочувствуют, и это усыпляет бдительность несчастного...

Зато потом, когда маршировка заканчивается, вновь звучит команда «отбой» и старшина, не отказав себе в удовольствии опять пройтись по проходу в поисках самых хитрых, покидает казарму и усталый народ наконец-то засыпает, приходит долгожданный час возмездия. Ночную тишину вдруг разрывает вопль ужаса. Вспыхивает свет, и все видят совершенно ошалевшего, дрожащего крупной дрожью бойца — того самого увальня, что вечером улёгся спать в носках, — на него, только-только уснувшего, кто-то вылил ведро ледяной воды...

Такие вот были нетоварищеские методы «товарищеского воспитания».

Алексей Ботян в подобные «переплёты» не попадал. Несмотря на свой небольшой рост, физически он был очень хорошо развит, так что мог дать отпор любому. К тому же характером обладал смелым, решительным, что называется лидерским, сказывались и полученное образование, и природная смётка.

«Ну вот, например, выведут наше подразделение на плац за чью-либо провинность и гоняют бегом туда-обратно. Одни из кожи вон лезут, стремятся впереди быть и скоро выдыхаются, другие отстают, их старшина поторапливает, заставляет быстрее бежать, может даже взыскание объявить, — усмехаясь, рассказывал нам Ботян. — А я всегда старался быть посередине — так меньше бегать нужно было, когда команда “кругом” звучала! Вот это она и есть, та самая “солдатская смекалка”! Вообще интересно у меня служба прошла...»

В коллективе Алексей явно выделялся, сослуживцы относились к нему с доверием и уважением, и всё это вскоре определит его дальнейшую армейскую судьбу.

Но вот о чём ещё нелишне сказать: каких-либо конфликтов на национальной почве у них в подразделении не случалось. Конечно, за всю Польскую армию мы говорить не будем, но в данном конкретном случае что было, то было. На военную службу в Польшу призывали всех, вне зависимости от национальности. Вот и в его подразделении на равных правах служили не только поляки, но и белорусы, и украинцы, и евреи,

без разницы, разве что военную присягу каждый солдат принимал при посредничестве своего священника, в зависимости от собственных религиозных убеждений. У Ботяна, как и у других белорусов и украинцев, был православный священник, у поляков — ксёндз, евреи давали присягу на Торе, в присутствии раввина.

И вот, кстати, ещё доказательство того, что «национальный вопрос» большой роли не играл: прослужив буквально месяц, Алексей был замечен начальством и направлен на курсы младших командиров — это называлось «подофицерской школой» (по-русски её называли бы «унтер-офицерской», теперь — «сержантской»). Там же, где есть приоритет «титульной» нации над всеми прочими, любая командирская должность, от сержантской до маршальской, занимается исключительно её гордыми представителями.

Между прочим, не грех напомнить, что и в России подобной «монополии» на чины и должности не было. Недаром же, вспоминая свою службу в Кавалергардском полку, первой по статусу из кавалерийских частей Российской императорской гвардии, генерал-лейтенант Советской армии граф Алексей Алексеевич Игнатьев^[9] писал в знаменитых мемуарах «Пятьдесят лет в строю»:

«Латыши, самые исправные солдаты, — плохие ездоки, но люди с сильной волей, обращались в лютых врагов солдат, как только они получали унтер-офицерские галуны»⁴.

Нет смысла уточнять, что солдаты в своём подавляющем большинстве были русские и малороссы. Но это информация, как говорится, для общей эрудиции читателя.

«Подофицерская школа», где продолжил службу Ботян, готовила младших командиров, говоря по-нашему — сержантов, для зенитной артиллерии. Курсанты проходили подготовку на 40-миллиметровых автоматических пушках «бофорс» («Bofors») — зенитных орудиях шведского производства образца 1936 года. Этим пушкам, которые тогда состояли на вооружении

армий многих стран мира вплоть до Великобритании и Соединённых Штатов Америки, вскоре суждено было стать в один ряд с самыми известными зенитками Второй мировой. Более того, они не только числятся среди наиболее удачных моделей зенитных орудий за всю историю войн, но и до сих пор кое-где ещё не сняты с вооружения, относясь, таким образом, к самым «долгоиграющим» ствольным артиллерийским системам нашего времени.

В школе служба у Ботяна пошла очень даже успешно, так что ещё до окончания обучения Алексей досрочно получил первое унтер-офицерское звание — капрал — за реальную боевую работу и отличную выучку.

В июне 3-й дивизион зенитной артиллерии, в котором он числился, выезжал на полигон, километрах в 15—20 от Вильно, где проводились учебно-боевые стрельбы по воздушным целям. В любой армии такие учения — главное испытание для зенитчиков, они наиболее объективно показывают уровень их подготовки к действиям в боевых условиях. Каких-либо «беспилотников» или ракет-мишеней тогда, разумеется, не было, и стрельбы проводились простым, но достаточно рискованным способом: в воздух поднимался самолёт, который тащил за собой на длинном тросе мишень — большой матерчатый конус. По нему, соответственно, и надо было стрелять. Однако не всё было так просто, как кажется, — это же не неподвижная мишень на удалении в полусотне метров, в которую можно неторопливо прицелиться и выстрелить. Чтобы попасть в воздушную цель, нужно произвести ряд расчётов: определить и учесть скорость и высоту полёта мишени, силу ветра и ряд иных параметров. А ведь самолёт летит высоко и на довольно большой скорости, так что противовоздушный бой всегда получается весьма скоротечным; разумеется, номера орудийных расчётов во время боевой стрельбы волнуются, к тому же выучка у солдат, как и уровень общего развития, реакция и сообразительность разные. Вот иногда и случалось, что поспешивший, растерявшийся, утративший взаимопонимание и